

© 2016 г.

Евгений Балацкий

доктор экономических наук, профессор,
директор Центра макроэкономических исследований Финансового
университета при Правительстве РФ, главный научный сотрудник
ЦЭМИ РАН
(e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

УГРОЗЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЦИРКУЛЯЦИИ МИРОВОГО КАПИТАЛА

В статье рассматривается место России в мировой экономике в условиях назревающей геополитической инверсии. Показано, что Россия пока не имеет реального потенциала для становления в качестве нового центра капитала. Нарращивание такого потенциала сдерживается высокой концентрацией в стране политических и экономических противоречий, тормозящих ее развитие. Рассмотрены риски ослабления России под влиянием внутренних и внешних факторов. Обозначены альтернативные глобальные проекты, которые могут сгладить противостояние России и Запада.

Ключевые слова: геополитическая инверсия, капитал, национальная безопасность.

Движение мирового капитала во времени и пространстве: геополитическая инверсия. Накопленные факты говорят, что мировая система капитализма имеет концентрическую структуру, т. е. всегда имеется некий *мировой центр капитала* (МЦК) в форме государства, аккумулирующего на своей территории основную массу мировых капиталов и распределяющего их по периферии [1]. Как правило, это самая богатая и могущественная страна в мире.

По всей видимости, первым системно проследил динамику МЦК и показал, что мировая история с этой точки зрения отнюдь не однородна, Дж. Арриги. Согласно его теории, в истории было четыре МЦК: Генуэзская Республика, Голландия, Великобритания и США. Данные МЦК породили соответствующую цепочку финансовых центров: Венеция¹ – Амстердам – Лондон – Нью-Йорк. Хронология Дж. Арриги примерно такова: триумф генуэзской модели финансового капитализма, начавшийся примерно в 1560 гг., закономерно сменился голландским господством, стартовавшим в 1740 гг., после чего эстафета в 1870 гг. была передана британской системе, а в 1970 гг. – американской [2]. В основе такой рециркуляции капитала, по мнению Арриги, лежит процесс исчерпания возможностей реальной экономики и переход соответствующих стран

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00483).

¹ У Дж. Арриги МЦК Генуя и Венеция переплетаются, образуя некий единый симбиоз. В связи с этим данные два МЦК можно рассматривать как один.

к построению финансовых систем, которые со временем также подвергаются процессу эрозии доходности капитала. Таким образом возникает *геополитическая инверсия* (ГПИ), под которой понимается процесс смены МЦК и перехватывание деловой инициативы одним государством у другого [3]. В связи с этим любая ГПИ характеризуется парой сменяющих друг друга МЦК; например, ГПИ «США–Великобритания».

Подобное представление о циркуляции мировых капиталов и их оседании в МЦК имеет важное политическое следствие: нынешнее положение дел на мировой арене в относительно недалеком будущем может измениться – многое свидетельствует о том, что место США должна занять какая-то новая страна, которая и станет лидером на ближайшие десятилетия¹. Датировка вереницы ГПИ позволила Арриги утверждать, что вероятность заката эпохи США больше, чем ее продолжения, и этот закат уже фактически начался [2]. Данный тезис является исходным для нашего анализа.

Более поздние исследования позволили осуществить примерную оцифровку схемы круговорота капитала по Арриги и установить наличие важного эффекта – *эффекта глобализации*, который состоит в том, что каждый последующий МЦК территориально и по численности населения был всегда больше предыдущего [3]. Иными словами, каждый последующий лидер (государство) имел более глобальные территориальные и демографические характеристики. Это второй тезис, являющийся принципиально важным для последующего анализа.

На микроуровне эффект глобализации имеет аналог в виде *эффекта масштаба*, который играет определяющую роль почти во всех экономических процессах. Именно исчерпание эффекта масштаба приводит к необходимости поиска нового центра капитала, где этот источник роста будет больше. Указанный глобализационный тренд в территориальном и демографическом устройстве МЦК и задает логику функционирования мировых богатств. В связи с этим правомерно задать вопрос: насколько исчерпан потенциал США в качестве МЦК?

В поисках ответа на поставленный вопрос можно лишь указать на тот факт, что *по многим признакам США уже не могут выполнять роль МЦК с прежней эффективностью*. Например, авторские расчеты вероятности суверенного дефолта показывают, что для США она в 2015 году уже достигла 100%, т. е. страна де факто является банкротом, но держится благодаря своему привилегированному положению в мировой валютной системе [4]. В этой связи достаточно указать, что основные долговые

¹ Заметим, что некоторые политологи считают, что новый МЦК может быть и не связан с конкретным государством. Это может быть некий географический анклав, управляемый представителями транснациональных корпораций. На наш взгляд, эта концепция является слишком радикальной и пока преждевременной, поэтому в дальнейшем будем придерживаться ортодоксальной позиции Дж. Арриги.

параметры, фигурирующие в расчетах вероятности дефолта, у США сейчас намного хуже, чем у России 1998 года и латиноамериканских стран, объявлявших дефолт в последние три десятилетия. Особое внимание следует обратить на снятие США запрета с экспорта нефти – до недавнего времени Штаты очень трепетно относились к «черному золоту» и не позволяли его поставлять за границу. Еще более настораживающими выглядят действия американского бизнеса в области сланцевой добычи нефти и газа. Раньше трудно было даже предположить, чтобы столь варварская технология разрыва почвы применялась к американским недрам.

Приведенные факты являются чрезвычайно важными, и их нельзя игнорировать. Подобные события нуждаются в системной интерпретации и объяснении. На наш взгляд, в происходящих событиях нет ничего фантастического и страшного – просто время жизни каждого МЦК ограничено. При этом, утерев статус МЦК, США отнюдь не прекратят своего существования. Наоборот, они будут по-прежнему одной из самых могущественных, богатых и передовых стран мира.

Но в данный момент набирает обороты процесс создания новой геополитической конфигурации мира. При этом имеется множество новых центров притяжения мирового капитала – Турция, Иран, Китай. Между ними идет конкуренция, но практически все они могут претендовать лишь на роль регионального, а не глобального центра мирового капитала.

Надо сказать, что теория Арриги находится на стыке политологии, истории и экономики (политэкономии). В ней в явном или неявном виде присутствуют основополагающие понятия политологии – элиты, группы влияния, каналы влияния, насилие, власть, интересы, функции государства и т. п. [5]. Однако он погружает эти понятия в экономический контекст, который является принципиально подвижным; этим достигается связанность различных понятий и категорий. Иными словами, держатели крупного капитала образуют властную элиту, которая мигрирует по миру вслед за открывающимися возможностями получения большей доходности. Приход элиты в новую географическую юрисдикцию каждый раз ведет к построению нового государства с принципиально новыми свойствами, т. е. интернализированными издержками [2]. В связи с этим все существующие политологические концепции легко укладываются в теорию Арриги. В данном контексте речь идет о том, что *американская бизнес-элита сегодня располагается в США, но может мигрировать в иные географические зоны, формируя в них центр управления мировым капиталом.* При этом институт государства не теряет своей привлекательности, т. к. сегодня это по-прежнему самый мощный инструмент мобилизации национальных и интернациональных ресурсов для достижения стоящих перед бизнес-элитой целей.

Итак, кто же может прийти на смену США?

Борьба за новый центр капитала. При ответе на этот вопрос почти все аналитики указывают на Китай. Такой исход не исключен, однако против него есть определенные противопоказания. Например, расчеты показывают, что в прошлом индекс территориального преимущества в среднем для всех ГПИ составлял 36,7, а его минимально зафиксированное значение – 1,7¹. Для предполагаемой ГПИ «Китай–США» этот индекс оказывается исчезающе малым – 1,02 [1]. Тем самым новый МЦК в лице Китая не даст миру практически никакой территориальной глобализации и никакого преимущества в плане эффекта масштаба. Конечно, Китай удовлетворяет другому «глобализационному» критерию – росту населения. Однако и здесь у него имеются определенные проблемы. Ретроспективные расчеты показывают, что при смене МЦК территориальный выигрыш был гораздо больше демографического, а в самом начале ГПИ новый центр вообще должен иметь население меньше, чем старый. Китай не вписывается в эту закономерность. Сегодня он способен дать мировому капиталу территориальный прирост по сравнению с США лишь на 2% на фоне уже состоявшегося демографического выигрыша на 320%. Такая диспозиция двух факторов глобализации является нетипичной, а имеющиеся диспропорции следует признать чрезмерными. Можно сказать, что Китай опередил естественный ход истории, нарастив человеческую биомассу страны еще до того, как начал притягивать мировой капитал. Эти факты говорят о том, что Китай, строго говоря, не очень подходит на роль нового МЦК. По крайней мере, в мировой истории подобные прецеденты пока не имели места.

Но какие альтернативы Китаю сегодня имеются в мире?

Как оказывается, их только две – Канада и Россия. Однако Канада имеет слишком незначительное преимущество по территории – лишние 6,5% не могут устроить мировой капитал. Учитывая данное обстоятельство, единственным потенциальным претендентом на роль нового МЦК, как это ни парадоксально, может считаться только Россия, способная дать мировому капиталу территории на 82% больше, чем США. *Россия обладает очевидными геополитическими преимуществами и может стать нужной мировому капиталу как новый центр экономического ренессанса.* Таковой она станет, если в нее начнут вливаться триллионные потоки мирового капитала и технологий. Этому будут благоприятствовать огромные природные ресурсы страны, кадровый потенциал и относительно благоприятный климат в условиях его глобального потепления, но препятствовать будет в частности пока низкая способность к хозяйственному освоению территории.

Насколько обоснованы подобные рассуждения?

¹ Проблематика территориальных и демографических преимуществ подробнее рассматривалась нами ранее (см., например, [3]).

Напомним очень интересный, но уже хорошо забытый эпизод из истории мировой экономики, когда некоторое время на роль нового МЦК активно претендовала Япония. После Второй мировой войны она переняла западные институты и за полвека поднялась до такого состояния, что почти догнала Соединенные Штаты по объему ВВП, а по душевому ВВП и производительности труда даже опережала их. Однако к началу XXI века стало окончательно ясно, что Япония в качестве нового МЦК не состоялась – динамичность развития страны резко упала и она безвозвратно отстала от своего американского конкурента.

Драматизм противостояния Японии и США не следует недооценивать. Так, согласно нашим грубым расчетам, в 1995 г., когда Япония находилась в зените своего экономического развития, ее ВВП составлял почти 70% от ВВП США, а душевой ВВП был на 70% выше, чем в США. По нашим оценкам, Япония опережала США по душевому ВВП на протяжении 14 лет подряд – с 1987 по 2000 гг. включительно. На первый взгляд, кажется почти невероятным, чтобы такое длительное победоносное ралли закончилось столь бесславно. Однако напомним, что в XIX веке похожее технологическое противостояние между США и Великобританией длилось 36 лет; только преодолев этот долгий путь, Штаты смогли закрепить свое превосходство.

Случай с Японией можно считать хрестоматийным. Дело в том, что эта страна не имела никаких «глобализационных» оснований претендовать на роль МЦК – ее население было в 2,5 раза меньше, чем в США, а территория – в 25 раз меньше. С такими экономическими параметрами было просто невозможно долго удерживать лидерство даже по некоторым направлениям. Можно констатировать, что Япония не смогла закрепить свой успех, прежде всего, из-за отсутствия пресловутого эффекта масштаба. Ее крошечная по территории и скромная по населению экономика просто не могла надолго стать эффективнее гигантской экономики США. Тем самым невыполнение двух «глобализационных» критериев привело к историческому провалу Японии в ее попытке стать новым МЦК. Этот пример убеждает нас в том, что «перешагнуть» глобализационный тренд проблематично, а быть может, и невозможно.

Напрашивается следующий вывод: *Россия представляет собой потенциальный плацдарм для очередного витка в глобальном движении мирового капитала*, который нуждается в России для того, чтобы расширить свои позиции на планете. Однако мировой капитал будет комфортно существовать в нашей стране, если в ней будут действовать правила игры мирового рынка, которые складываются под влиянием мирового капитала. Пока же в России этого нет. Налицо, с одной стороны, неразвитость в России рыночной экономики, а с другой стороны, стремление России реализовать свою экономическую модель в конкуренции с Западом. Россия не становится для крупного мирового капитала геополитической

гаванью для аккумуляции капитала, причем гаванью, в которой капитал чувствовал бы себя вполне комфортно. Отсюда неизбежны различные формы конфронтации России и Запада.

И здесь нельзя удержаться от очередной исторической аналогии: в эпицентре Второй мировой войны оказался СССР, который уже тогда был возможным плацдармом экспансии европейского капитала. Однако СССР, будучи страной с коммунистической идеологией, отрицал саму возможность существования капитала на его территории. К тому же американские аналитики признают, что США на протяжении века были озабочены опасностью появления европейского гегемона, в особенности возможного союза между Россией и Германией или покорения одной из этих стран другой. Такой союз более чем какой-либо другой имел бы возможность – при помощи немецкого капитала и технологий в сочетании с русскими ресурсами и населением – угрожать американским интересам. В Первую и Вторую мировые и в период Холодной войны Америке удалось предотвратить его появление [6]. Сегодня США было бы выгодно предпринять попытку создания союза с Россией, но, разумеется, при доминировании их интересов.

Война за институты. В свое время З. Бауман очень точно сформулировал задачу американской системы капитализма – устранить барьеры, мешающие текучести мирового капитала (прежде всего, американского) и проницаемости отдельных стран для него [7]. В противном случае в мире будут возникать острова «закрытости» и «непонятности», о которых будут «спотыкаться» держатели крупного капитала. При возникновении подобных политических анклавов США попросту сметают эти островки «непроницаемости». *Россия, будучи потенциальным претендентом на роль нового МЦК, уже давно выступает в роли «закрытой» территории, в которой действуют институты, несовместимые с бизнес-правилами США.*

Говоря в современных терминах, *инклюзивные* американские институты радикально отличаются от *экстрактивных* российских институтов, что делает невозможным достижение понимания между правящими элитами двух стран [8]. Так же как накануне Второй мировой войны коммунистический СССР отрицал саму возможность допустить на своей территории движение капитала, так и сегодня российская элита отказывается перенимать западные правила игры в политике и экономике.

Таким образом, цель Запада в отношении России – внедрение в России западных институтов. И здесь уместно вспомнить подмеченное В. Полтеровичем важное различие между технологиями и институтами: на международном рынке технологий продавцы (собственники патентов) стремятся получить прибыль, а покупатели вынуждены платить, тогда как на рынке институтов ситуация совершенно иная – развитые страны нередко готовы сами оплатить внедрение на чужой территории своего

институционального продукта [9]. Именно это и стараются сегодня сделать США в России.

И здесь следует вернуться к тезису З. Баумана о том, что в современном мире происходит *девальвация пространства и ревальвация времени*. Территория перестает быть безоговорочной ценностью, тогда как экономия времени становится главной целью мировой элиты [7]. По всей видимости этот императив нуждается в комментарии. Дело в том, что территория действительно утрачивает свое значение в обычное время, когда мир функционирует в *стационарном режиме* доминирования определенного МЦК. Однако в *переломный момент* ГПИ ситуация радикально меняется, и территория снова превращается в главный фактор глобализации и обеспечения эффекта масштаба. Именно этот момент и переживает сегодня мировая экономика.

Теперь несколько слов о «ценности» российской территории. Для этого рассмотрим рентабельность экономики (R) и величины ставки рефинансирования (r) в разных странах. Помимо этого, специально рассчитаем показатель «потенциальной» рентабельности национальной экономики ($R + r$). Здесь мы исходим из того, что фактическая рентабельность, фиксируемая статистикой, достигается в условиях действующей ставки рефинансирования (которая обеспечена за счет соответствующих изъятий из созданной стоимости). Следовательно, если бы центральные монетарные институты осуществляли бы кредитную деятельность бесплатно, то фактическая рентабельность экономических операций в стране была бы больше на величину ставки рефинансирования (соответствующий доход оставался бы у производителя). Чем больше показатель $R + r$, тем больше внутренняя эффективность национальной экономики. Сравнительные характеристики для некоторых стран на основе официальной статистики национальных статистических служб приведены в табл. 1.

Приведенные данные говорят о том, что потенциальная рентабельность (норма доходности) в России кратно превышает аналогичный показатель в США и Германии. Если бы в России монетарные ведомства действовали бы с такой же эффективностью, как в развитых западных

Таблица 1

Показатели эффективности разных стран, 2013 г.

Страна	Рентабельность (R), %	Ставка рефинансирования (r), %	Потенциальная рентабельность ($R + r$), %
Россия	7,00	8,25	15,25
США	6,30	0,25	6,55
Германия	3,00	0,58	3,58

странах, то вложение капитала на территории РФ было бы в несколько раз выгодней, чем в США и Германии. Тем самым *экстрактивные институты России препятствуют не только иностранному капиталу, но и сдерживают использование местного капитала*. Это еще раз подтверждает определяющую роль институтов для проникновения мирового капитала на территорию России.

Российская экономика по производительности труда кратно (примерно в 3–4 раза) отстает от американской, но приход западных капиталов на базе более эффективных западных технологий позволил бы достичь фантастической рентабельности. Для иллюстрации возможного эффекта приведем условный пример. Если на территории России будет действовать ставка рефинансирования на уровне американской и производительность труда возрастет в 3,5 раза, то при прочих равных условиях рентабельность производства достигнет 52,5%. Если же учесть, что по отдельным проектам и отраслям прибыльность в России на основе западных технологий может достигать и сотен процентов, то стремление мирового капитала в лице США «подогнать» Россию под свои институциональные стандарты не удивляет.

Это толкает Запад на опасные для России прогнозы. Одним из них является очередной прогноз частной американской разведывательно-аналитической компании «Stratfor». Данную компанию иногда называют «теневым ЦРУ» [10] и многие ее прогнозы сбываются [6]. В документе 2015 г. ее представители прогнозируют в ближайшее десятилетие распад России, причем, скорее, не де юре, а де факто. Тем самым Россия утратит свое геополитическое положение и ее территория в экономическом смысле будет поделена между более развитыми странами. Кстати, это станет большой проблемой для США, которые будут вынуждены решать проблему контроля над российским ядерным арсеналом, представляющим в условиях ослабления страны серьезную угрозу стабильности в мире. Отвлекаясь от вопроса о реалистичности данного прогноза, следует констатировать наличие у России очень больших экономических проблем, которые наносят ущерб функционированию ее экономики как единого целого.

В связи с данным обстоятельством обратим внимание на эффект, получивший название «ошибка Траута». В соответствии с этим эффектом любая серьезная ошибка в условиях глобальной конкуренции становится фатальной: отыграть утраченные позиции уже практически невозможно. Это означает, что Россия не имеет права на серьезные управленческие ошибки, ибо любой просчет с ее стороны будет использован против нее с максимальной эффективностью. В таких условиях деградация страны перестает быть абстрактной угрозой, превращаясь в реальную опасность. Все это предъявляет повышенные требования к правящей элите, которая пока им явно не соответствует.

Какие же имеются варианты трансформации России?

В условиях ведущейся войны за институты просматриваются только две альтернативы: либо Россия самостоятельно строит институты не менее эффективные, чем в США, скачкообразно повышает технологический уровень своей экономики, сохраняет свою политическую субъектность и превращается в новый МЦК, либо она теряет свою политическую самостоятельность и становится в той или иной степени зависимым придатком Западного мира. Сначала прокомментируем первый сценарий.

Существовать в режиме вялого развития Россия не сможет. В связи с этим она должна полностью перестроить свою общественную систему, создав адекватные потребностям ее подъема институты и отказавшись от примитивных экстрактивных принципов хозяйствования. Это в сжатые сроки должно привести к притоку инвестиций – отечественных и иностранных, что позволит переоснастить всю экономику на базе современных технологических достижений. Темпы роста экономики должны быть в районе 10% годовых. В этом случае Россия становится экономическим лидером и источником притяжения мирового капитала. Все это предполагает создание такой национальной модели развития, которая обеспечивает социально-экономический прогресс прежде всего на основе мобилизации собственных резервов. Данный сценарий ведет к полноценной ГПИ с новым ЦМК в лице России. Гигантская территория с огромными инвестициями, передовыми технологиями и прибывающими квалифицированными кадрами превращает Россию в центр мировой экономической системы. Этот сценарий очень желателен для России, но его реализация при нынешних обстоятельствах была бы почти чудом.

Второй сценарий предполагает «американизацию» России, когда политическая элита страны ориентируется на политический истеблишмент США и строит институты западного образца. Это позволит поднять эффективность всей экономики. В страну будут поступать иностранные инвестиции и технологии, но ее идентичность будет подавлена, и национальные интересы будут втиснуты в рамки глобальных, проамериканских тенденций. Пойти на такой сценарий Россия не должна. Возможно, при таком сценарии российская экономика будет эффективной и даже институты будут вполне прогрессивными, однако у России есть и другие интересы и цели – адекватность ее жизни национальной системе ценностей, традициям, реализация национального своеобразия, признание ее самостоятельной роли в мире и т. д., а не «сотрудничество» в русле западных интересов. Россия не должна способствовать тому, чтобы старый МЦК в лице США продлевал свое существование еще на неопределенный срок. Иначе Россия превращается в «дружественную периферию» западного капитала. Вероятность данного сценария достаточно велика, и тем важнее противодействовать его реализации.

В настоящее время геополитический вызов России состоит в том, чтобы определиться с одним из этих двух сценариев. Отказ от обоих означает неопределенность вектора развития, и такой третий сценарий не обеспечивал бы сохранение страны.

Параллельные проекты построения нового мирового порядка. Введенные санкции против России – это не временное явление. Их содержание будет меняться, но соперничество Запада с Россией будет только усиливаться. Это не прихоть со стороны мирового капитала, а суровая необходимость обеспечения его собственного существования.

Вместе с тем, в создавшейся ситуации нет абсолютной фатальности, ибо альтернативы все-таки есть. Однако, прежде чем говорить об альтернативах, скажем несколько слов о том, что часто рассматривается в качестве таковой, но на самом деле таковой не является. Речь идет о многополярном мире. Дело в том, что такое положение возникнет тогда, когда фактор глобализации мирового капитала будет исчерпан, т. е. ни одна страна и ни один регион не смогут претендовать на роль полноценного МЦК. В такой ситуации традиционная схема циркуляции мирового капитала нарушается и любые прогнозы становятся бессмысленными. Однако есть основания думать, что процесс глобализации капитала все-таки продолжится.

Какие же проекты глобализации возможны?

На наш взгляд, можно предположить по крайней мере два альтернативных сценария дальнейшей глобализации.

Первый проект – формирование глобальной китайской империи, которая де факто превратит современный Китай в осовремененную колониальную державу. Если, например, через 15–20 лет на территории Африки возникнут китайские доминионы, то Китай получит новый импульс к глобализации и запустит эффект масштаба с новой силой. Более того, нет никаких гарантий, что Китай не осуществит мирное завоевание не только близлежащих азиатских государств, но и не обеспечит себе контроль над рядом западных стран за счет своих гигантских диаспор. Сегодня многие признаки такого развития событий налицо. В этом случае Поднебесная действительно превратится в новый МЦК, но будет существовать в рассредоточенном виде. Это будет аналог Британской империи, но на базе китайской культуры. Безусловно, это вносит коррективы в схему циркуляции мирового капитала, так как в этом случае концентрическая модель в чистом виде нарушается и модифицируется в модель с «размазанным» МЦК.

В рамках данного сценария «глобализации Китая» может просматриваться перспектива вовлечения в этот процесс России. В этом случае политическая карта мира будет полностью перекроена, а Китай сможет превратиться в полноценный МЦК с огромным дополнительным эффектом масштаба. В этом контексте можно утверждать, что распад России,

скорее всего, привел бы к самому большому выигрышу именно КНР, а не США.

Второй проект – формирование общепланетарной программы по завоеванию космоса. Этот сценарий является естественным продолжением процесса глобализации капитала в условиях исчерпания территориального ресурса Земли. В этом случае почти наверняка будут развернуты как национальные, так и интернациональные программы колонизации космоса наиболее богатыми и технологически развитыми странами. Сегодня уже стартовали и идут полным ходом марсианские программы США, Индии и России. К данному проекту уже подключаются и частные компании. Научные эксперименты, колонизация новых планет на случай гибели Земли и поиск ценных ресурсов уже сегодня являются достаточными стимулами для поддержания данных программ. По всей видимости, апробирование космического проекта неизбежно; это лишь вопрос времени. Например, наиболее влиятельный бизнесмен современности И. Маск поставил перед собой цель – в 10 раз уменьшить затраты на космические полеты. Для этого он основал «SpaceX», вложив в нее 100 миллионов долларов, а в 2016 г. на инвестиционном форуме в Гонконге И. Маск сообщил о том, что его компания надеется осуществить полет на Марс в 2020–2025 годах, т.е. примерно через 9 лет [11]. По-видимому, для широкой консолидации мирового капитала вокруг космического проекта необходимо получить несколько обнадеживающих коммерческих результатов.

Но прежде всего отметим наблюдаемое нарушение квазициклической закономерности в смене МЦК. США уже явно «пересидели» свое время но не собираются уступать место лидера. Видимо, свою роль сыграло или сыграет в будущем формирование экономического союза, объединяющего США, Канаду и, может быть, Мексику. Полная интеграция трех больших стран дала бы необходимый эффект масштаба, однако есть признаки того, что такой сценарий отчасти реализован в завуалированной форме и во многом уже исчерпал себя¹. Тем не менее нельзя исключать того, что дальнейшее укрепление союза США–Канада–Мексика способно придать новый импульс старому МЦК и продлить срок его существования.

Однако все перечисленные проекты не имеют явных аналогов в истории и во многом гипотетичны. Тем не менее, в какой-то мере они уже реализуются. Не ясно только, какой из них возобладает по срокам. Однако сами сроки, скорее всего, будут достаточно большими. И по мере «прощупывания» перспектив в рамках каждого из проектов довольно долго будет отрабатываться проект западной переориентации, «оцивилизовывания» России. Такой проект является для Запада самым простым,

¹ Американские аналитики отмечают, что главное преимущество США состоит в их закрытости: они экспортируют всего 9% ВВП, причем 40% этого экспорта идет в Канаду и Мексику. За счет этого только 5% ВВП подвержено колебаниям глобального спроса [6].

безопасным, перспективным и «быстрым» по сравнению с конкурирующими линиями глобализации. Поэтому именно он будет стоять в приоритете мирового капитала на протяжении ближайших 10–15 лет. И надо быть готовыми противодействовать этому.

Спорные вопросы. Выше мы осуществили своеобразную экстраполяцию схемы движения МЦК. Доведенная до своего логического завершения концепция Арриги несет в себе огромный негатив в отношении России. Однако, по меткому выражению Т. Пикетти, «худшее совсем не обязательно должно произойти» [12, с. 25]. Не исключено, что и в данном случае расчет США в отношении России будет нейтрализован различными непредвиденными обстоятельствами.

Во-первых, ядерный военный потенциал России исключает ее податливость прямому давлению. Стабилизатором является и большой ресурс жизнеобеспечения населения страны – продовольствие и энергия для обогрева жилья имеются в избытке. Эти факторы будут способствовать замораживанию ситуации, и Россия сможет на неопределенно долгое время обеспечить себе status quo.

Во-вторых, сохранение эффекта масштаба, который долгое время служил источником глобализационных импульсов, многими исследователями уже сегодня ставится под сомнение. Например, внедрение 3D-технологий не ориентировано на массовое производство, углубление специализации и снижение за счет этого удельных издержек [13]. В таких условиях факторы территории и населения если и не полностью девальвируются, то в значительной мере утрачивают свое первоначальное значение. Сегодня набирают силу концепции, которые рисуют иную экономическую реальность в мире новых технологий. Хотя все эти аргументы являются дискуссионными, полностью отрицать их нельзя. Если 3D-технологии повсеместно возобладают, то Россия перестанет быть центром притяжения интересов крупного капитала в той степени, в которой она им является сегодня. Не исключено, что в условиях действия ослабленного эффекта масштаба на политическую арену могут выйти другие страны, которые для крупного мирового капитала станут не менее привлекательными, чем Россия. Более того, сегодня уже идут дискуссии о перерождении капитализма в некий новый мир с иными целями и задачами, в которых доходность капитала перестает быть движущей силой.

В-третьих, намечающийся процесс распада геополитических центров мира и экономической турбулентности способен ослабить давление на Россию. Например, состоявшийся 23.06.2016 референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе закончился победой сторонников выхода из Евросоюза и тем самым поставил под сомнение дальнейшее существование данного политического объединения. Напомним, что аналитики «Stratfor» полагают, что Евросоюз в ближайшее десятилетие в какой-то форме может уцелеть, но европейская экономика, политика

и военное сотрудничество будут управляться преимущественно двусторонними и ограниченными многосторонними партнерствами, имеющими узкую направленность и не связывающими участников [6]. Помимо этого, внутренние проблемы США сегодня уже весьма велики и грозят в любой момент перейти в активную фазу: проблемы гигантской внешней задолженности, суверенизации отдельных штатов, активизации цветного населения и т. п. Тем самым на фоне ухудшающейся обстановки по всему миру Россия может отойти на задний план мировой политики.

Таким образом, внешние обстоятельства могут ослабить давление на Россию. Тем не менее, нам представляется, что концепция Дж. Арриги позволяет в истинном свете увидеть политические коллизии современности, понять вектор развития происходящих геополитических столкновений и вызовы, встающие перед Россией.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
2. *Арриги Дж.* Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // «Прогнозис», № 1 (17), 2009. С. 34–50.
3. *Балацкий Е. В.* Предпосылки глобальной геополитической инверсии // «Terra Economicus». Том 12. № 3. 2014. С. 15–28.
4. *Балацкий Е. В.* «Технический» метод оценки вероятности суверенных дефолтов // «Мировая экономика». № 3. 2016.
5. *Логвиненко Д. В.* Группы интересов в политической системе США: теория и практика // «Журнал Известия Алтайского государственного университета». № 4(84). 2014. С. 284–288.
6. Геополитический прогноз от Stratfor на 2015–2025 годы // «Иносми.ру», 03.02.2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160203/235274311.html>.
7. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер. 2008. 240 с.
8. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ. 2015. 693 с.
9. *Полтерович В. М.* Трансплантация экономических институтов // «Экономическая наука современной России». № 3. 2001. С. 24–50.
10. Stratfor // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stratfor>.
11. Маск, Илон // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D0%BA_%D0%98%D0%BB%D0%BE%D0%BD.
12. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. С. 25.
13. *Толкачёв С. А., Москвитина Е. И., Цветкова Т. М.* Перспективы развития аддитивного производства в США // «США и Канада: экономика, политика, культура». № 1(553). 2016.